

НОВАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА БОЛЬШЕВИКОВ И МЕНЬШЕВИСТСКАЯ ПАРТИЙНАЯ ПЕЧАТЬ: ОБЪЕКТИВНЫЙ ВЗГЛЯД НА СУБЪЕКТИВНЫЙ ПРОЦЕСС*

Аннотация: Статья посвящена актуальной в научном и общественном плане теме – оценке меньшевистской эмигрантской партийной печатью 1920-х гг. большевистской новой экономической политики в Советской России. В исследовании проанализированы редакционные и авторские статьи, опубликованные в «Социалистическом вестнике» и «Заре», а также издания меньшевистских теоретиков и публицистов. Показана оценка меньшевиками НЭП как отступления Советской власти от своего первоначального курса под воздействием народных настроений и проявления экономического банкротства большевистской системы.

Ключевые слова: новая экономическая политика, меньшевистская эмиграция, коммунистическая диктатура, экономическое банкротство большевистской системы.

Переход к новой экономической политике в меньшевистской печати однозначно оценивался как отступление под давлением народной стихии [18, 3]. Так, «свобода торговли» означала, что «в правящей партии, в ее идеологии и организации пробита такая брешь, какой еще не было». Взорванный фундамент «потребительского коммунизма», во имя которого оправдывались бюрократическая диктатура, террор и система всеобщей регламентации, стимулировал «внутреннее разложение большевизма». Что делало неизбежным, по мнению меньшевиков, следующий шаг в области политики, от «зубатовщины» и чисто экономических уступок, не меняющих политического строя [18, 4-5].

Для меньшевиков был очевиден некий «химический закон», согласно которому крестьянство «выделяет из себя» эсеров. Более того, это явление считалось благоприятным для пролетариата. Ведь существовала и другая опасная альтернатива, когда крестьянство начнет «выделять из себя консервативно-собственнические партии». Тогда оно само все «пересмотрит» в России [28, 4]. По оценкам Мартова, в России, где «основная объективная тенденция великой российской революции не пролетарская, как воображали коммунисты, а мелкособственническая», существовала «проблема единого фронта революции, единого фронта классов, заинтересованных в сохранении ее основных исторических завоеваний и способных и готовых их отстаивать». Другими словами, речь шла о едином фронте «пролетарских и мелкособственнических элементов русского народа», препятствием которому был раскол непролетарской демократии и массы мелких собственников. Но открылись и возможности сближения, когда на одном полюсе «выветрились иллюзии коммунизма, на другом – иллюзии интервенции, вооруженного свержения большевизма» [19, 4-5].

Корреспонденты «Социалистического вестника» считали, что сохранением существующего режима большевики надеются помешать «передвижению соотношения сил и гегемонии тех мелкобуржуазных и капиталистических групп, развитию которых содействует новый курс». Но здесь возник замкнутый круг. С одной стороны, экономическая катастрофа грозила катастрофой политической, а с другой стороны, решение экономических проблем было «невозможно без решения проблем политических» [19, 9].

* © Гаврилов А.Ю.

Ведь, по твердому убеждению Ю.О. Мартова, с «узаконением буржуазных классов» радикально меняется отношение между пролетарской массой и вышедшей из нее партийно-государственной бюрократией, а «общественные интересы», определение которых принадлежит коррумпированной партийно-государственной бюрократии, возвышаются над интересами пролетариата. В такой обстановке «зашедшая далеко коррупция партийной и государственной бюрократии» неминуемо приведет к утрате всякой связи между ней и массами, ее социальному перерождению и превращению в «надклассовую» бюрократию, т.е. в «новый, по существу буржуазный, общественный строй». Другими словами, перерождение правящей партии, «явно разлагающейся под влиянием крутого поворота в экономической политике», было обратной стороной введения НЭПа [20, 4-5]. Считая, что «экономическое банкротство большевистской системы» в России нашло свое не только в «бунтах и волнениях народных масс», но и в «крутом повороте коммунистического правительства в сторону примирения с мелким и средним капиталом», Р. Абрамович предупреждал об опасности активизации, как внутренней буржуазии, так и русской буржуазной эмиграции. То есть навстречу «термидоровским силам в России» двигалось «встречное течение из-за границы» [1, 3-4].

Тогда как Д. Далин подчеркивал, что «новый курс» - это еще не капитализм: это «только признание победы новой буржуазии», время когда «из складок коммунистической мантии выходят на свет божий» скрывавшиеся буржуазные элементы. Впрочем, Далин считал «смешными и трусливыми» надежды «новейших поклонников большевизма» на эволюцию большевизма в «подлинную буржуазную власть» [2, 6-7].

Помимо общих рассуждений о причинах и сущности новой экономической политики, меньшевистская эмиграция подвергла критическому разбору те или иные направления нэповской политики. В частности, считая переход к натуральному налогу «очень разумной и целесообразной реформой», меньшевики высказывали опасения, что политические условия, в которых живет страна, «способны уничтожить положительный эффект этой реформы» [23, 9-10]. Для российской социал-демократии, объединившейся вокруг «Социалистического вестника», «соглашение с крестьянством» весны 1921 г. могло дать результат, если станет «соглашением о прекращении диктатуры пролетариата», то есть «диктатуры комиссаров» над почти бесправным пролетариатом и совершенно бесправным крестьянством. На практике это соглашение должно было потянуть за собой «коренное изменение политической системы», т.е. восстановление политической свободы, упразднение партийной диктатуры и возвращение к принципам демократии [28, 2-4].

Летом 1921 г. меньшевистская эмиграция в целом положительно оценивала отмену большевистских проектов упразднения денег и натурализации зарплаты («большой шаг вперед, как и всякий отказ от утопии»), но главной задачей дня считала установление прочной денежной единицы («стабилизацию» рубля). Однако речь шла не о немедленном возвращении металлических (серебряных) денег, а о «борьбе с теми дефицитами, которые делают необходимым непрерывный выпуск новых денег». То есть предлагалось вернуться к системе налогов, сборов и других государственных поступлений. И, конечно, над экономическими мероприятиями должна быть надстроена радикальная политическая реформа [3, 5-6].

Декрет ВЦИК 1922 г. об основных частных и имущественных правах («декларация прав имущих») меньшевики оценили как принципиальную капитуляцию коммунизма, которая свелась к попыткам организовать судебную охрану новой собственности, созданной после Октября 1917 г. и новых собственников. Впрочем, особого оптимизма авторы «Вестника» не испытывали, так как не было сделано ни одного шага для со-

здания политических гарантий [26, 1-2]. Особым нападкам подвергалась деятельность Внешторга, как и раньше, в годы военного коммунизма, неудачно закупавшего «ничемные продукты» и бессистемно распределявшего закупленное. Если раньше крали вагоны сахара, «теперь крадут вагоны электрических лампочек», если раньше мужику предлагали вместо гвоздей пудру, то «теперь ему навязывают тракторы, рассчитанные на американского крупного фермера, или плуги, колеса которых оказываются двумя-тремя номерами больше или меньше соответствующих осей». И за это «барахло», в большинстве случаев закупаемое Внешторгом, платили золотом. Споры в большевистском руководстве о монополии внешней торговли для социал-демократической эмиграции представляли собой «вопрос о том, какая из конкурирующих клик будет иметь возможность распоряжаться за счет России остатками ее золотого запаса и других подвижных ценностей». И строить на этой возможности свое личное благополучие и связи с западноевропейским капиталом «на предмет использования их в том будущем, когда табу коммунизма окажется уже ненужным» [25, 4-5].

Анализируя реальное положение концессий за 1921-1923 гг., экономист и социал-демократ А. Югов подчеркивал чрезвычайную осторожность большевиков в этом вопросе, часто идущую вразрез с экономическими интересами государства. В результате инертности «громоздкой бюрократической машины», реально воплощались не более 5% концессионных проектов, признанных приемлемыми. Причина сложившегося положения, на взгляд Югова, лежала в «политическом режиме бесправия», при котором многое зависело от решения партийного бюрократа. Без устранения этой первопричины, вся новая политика грозила превратиться в «новую удавную петлю для производства и новое орудие обогащения для нэпманов». Выход из создавшегося положения виделся, прежде всего, в отрытом провозглашении децентрализации «всего того, что за пределами государства» [29, 8-10].

В целом меньшевистские авторы даже осенью 1921 г. оценивали «новый курс» как не сложившийся, и на глазах менявший свое содержание и формы. Очевидным для них было и то, что в короткий период проведения нового курса экономическое положение стало особенно катастрофическим: почти полная остановка Донецкого угольного бассейна и крупной промышленности, паралич транспорта и падение сельскохозяйственного производства. Главной причиной сложившегося положения меньшевики-эмигранты считали «старое коммунистическое наследство», проявлявшееся как в противоречии между существующим режимом и потребностями народного хозяйства, так и в интересах и психологии носителей власти [22, 6-8].

Впрочем, НЭП породил и новые острые социальные противоречия. Так, в условиях финансового кризиса и растущей инфляции НЭП повлек за собой крах политики социального обеспечения [30, 10-12]. Экономист, публицист и писатель Д.Ю. Далин с горькой иронией отмечал, что в Советской России после трехлетнего перерыва появилась безработица, чем была создана целая «резервная армия» для нужд капитализма. Но при этом сохранялись такие рецидивы политики военного коммунизма, как трудовая повинность и прикрепление к месту службы. Меньшевистский экономист предлагал не уповать на соревнование между государственным и частным сектором, которым способен привлечь к себе лучшие трудовые ресурсы при отсутствии «господства коммунистических ячеек». Чтобы госсектор был способен выдерживать конкуренцию с частником, необходимы были радикальные реформы в экономике и политике и, прежде всего, изменение положения профсоюзов, которые превратились в новую форму «рабочего контроля» на частных предприятиях [4, 3-4]. Но этот контроль противоречит идее развития капитализма и на практике, по мнению Далина, сведется к саботажу профсоюзами «нового курса». В свою очередь, союзы должны

были стать независимыми от государственной власти или исчезнуть вообще. А все это неминуемо потянет за собой расширение свобод и подрыв коммунистической диктатуры [4, 5].

По оценкам меньшевиков, «новый курс» и «коммерческий расчет» в своей основе означали «экономическое принуждение рабочего к максимуму затраты трудовой силы». То есть пролетарское государство рассматривало безработных как «резервную армию», наличие которой позволяло давить на зарплату и другие условия труда, удерживая занятых рабочих от проявления «слишком высоких» требований. Кроме того, в Советской России профсоюзы, превратившиеся в орган «трудового государства», вынуждены были взять на себя обратную задачу: стремиться выжать из рабочих как можно больше труда за возможно меньшую плату, а также ограничивать количество обеспечиваемых государством безработных и размер пособий [27, 1-3]. Впрочем, «дикая стадия периода первоначального накопления капитала» не могла не совершаться путем усиления эксплуатации рабочей силы [21, 6-8].

Одну из главных причин сложившегося положения в сфере труда и занятости, внефракционный социал-демократ, заведующий Русским отделом Международного бюро труда Лиги Наций С.О. Загорский видел в том, что профессиональные союзы, представляющие собой одну из многочисленных «потемкинских деревень» советской России, в годы военного коммунизма превратились в часть государственного аппарата. Даже после отмены в 1922 г. обязательного членства в профсоюзах партийно-советский режим воспрепятствовал созданию независимого профессионального рабочего движения. На деле в профсоюзах, призванных препятствовать стачкам, удерживать от них рабочие массы и оказывать поддержку администрации, сохранилась принудительность, так как администрация предприятий или фабзавком сами часто вносили членский взнос за рабочего путем удержания соответствующей суммы из зарплаты [12, 88-99].

В силу вышесказанного, Д. Далин в феврале 1922 г. подверг острой критике тезисы Ленина о профсоюзах, означавшие окончательное устранение профсоюзов от вмешательства в производство, «компенсированное» намеком на «независимость». Большевики пришли к необходимости перестройки профсоюзов тогда, когда они превратились в громадный бюрократический аппарат без всякого контакта с рабочей массой. Меньшевики, конечно, приветствовали возврат к системе свободного членства в профсоюзах и коллективных договоров, но их смущала «беспартийность» союзов, поддерживающих советскую власть при материальной поддержке с ее стороны. И откровенно пугал 11-й пункт тезисов, декларирующий идейную борьбу с меньшевизмом. Они сомневались в возможности оживить профсоюзное движение, пока «монополия общественной жизни остается за одной партией» [5, 4-6].

Более того, партийная монополия отрицательно влияла на саму правящую партию. Так, Ф. Дан весной 1922 г. показал, как большевики постепенно, «со ступеньки на ступеньку», скатывались к диктатуре своего ЦК над партией, затем к диктатуре политической «пятерки» над ЦК и, наконец, к диктатуре одного «вождя» (Ленина) над партией, пролетариатом и государством. В условиях диктатуры партии над пролетариатом «предотвратить растворение коммунистической диктатуры в диктатуре буржуазно-бонапартистской», по мнению меньшевистского лидера, могло лишь сплочение всех пролетарских сил и всех трудящихся, которое «способно ввести государственный корабль в фарватер демократии» [33, 5-6].

По мнению Д. Далина, заявление Ленина на съезде металлистов (1922 г.) о завершении нэповского отступления вполне объяснимо, так как в самой сущности «нового курса» («буржуазного хозяйства при коммунистической власти») заключена

«неизбежность вечных шатаний, зигзагов, стремительных прыжков к капитализму и рецидивов чистого коммунизма, поисков политического соглашения с внешней буржуазией и боевых нот по отношению к мировому капитализму». «Открывая двери беспредельной спекуляции и наживе, поощряя безграничную роскошь в измученной голодом стране и делая новые классовые противоречия нормальным, непреодолимым явлением», НЭП разлагал и дробил «коммунизм на ветви, фракции и течения сильнее, чем это в силах была сделать какая-либо другая ситуация». Не удивительно, потому, что «капитан советского корабля» был вынужден лавировать среди команды собственного корабля: бросать подачки, чтобы умерить оппозиционный пыл и совершать «повороты», чтобы смягчить ту или иную оппозицию. Кроме того, Ленин своим заявлением о завершении отступления торговался с Европой об условиях признания и экономической помощи, не случайно начав свою речь на съезде с вопроса о Генуе [6, 3-4]. Кроме того, Далин не верил заявлению Ленина о завершении отступления. Скорее, по его мнению, на ближайший период преобладающая роль даже в промышленности будет принадлежать частному капиталу. Так как поднять крупную индустрию одними силами государства будет невозможно, то власть неизбежно пойдет на новые «крупные уступки» [7, 6].

Анализируя заявление Ленина на XI партийном съезде о том, что задачей дня для коммунистов становится «учиться торговать», Д. Чижевский расценивал его как уступку учащейся торговать «красной буржуазии», коренным образом менявшую «соотношение сил в русском хозяйстве». Именно по причине боязни резкого перерождения партии ЦК РКП(б) освобожден от «вопросов чисто советского характера» [32, 8-9]. Впрочем, Ф. Дан не сомневался, что сохранение диктаторской власти «стало для большевистских заправил самодовлеющей целью, в жертву которой они опять приносят и разум, и совесть, и интересы пролетариата» [10, 6].

Летом 1922 г. из меньшевистской среды все чаще звучали рассуждения о кризисе не успевшего развернуться НЭПа, у которого не было фундамента и руководящего плана, а «былой пафос безумия уступил место крохоборству и утлому мелко-расчетливому политиканству грызущихся между собой групп и группировок, до сих пор еще господствующих над несчастной страной». Ведение НЭПа расценивалось как смерть коммунизма не только как практики государственного устройства, но и как теории, так как дальше своей «Азбуки он не пошел» [25, 3]. В частности, по оценке Ф. Дана, «нэпо-коммунистическая власть давным-давно уже растеряла революционные зубы», и ее лозунгом стал «бонапартистский клич: сытая жизнь и порядок» [11, 5].

На то, что следствием «прогрессирующей инфляции» стал рост цен на промышленные товары, и так не учитывавшие законы рыночной экономики, неоднократно указывал А. Югов [34, 5]. По мнению С. Загорского, через год после введения «вся новая экономическая политика дала те же результаты, что и старая» [13, 6]. Столь же критичными были оценки НЭПа и С. Ивановичем, для которого «советская власть сменяет один тупик на другой и все ее многочисленные перемены курса не более, как выход из одного тупика в другой». Таким новейшим тупиком автор считал провалившийся НЭП, при котором вместо развития производства наблюдался расцвет спекуляции за счет государственных средств. Хозрасчет также себя не оправдал, так как даже минимальное расширение производства привело к «жесточкому кризису сбыта». Советские деньги Иванович квалифицировал как орудие «обмена реальной ценности на мыльные пузыри». Для него «НЭП и порабощение рабочего класса стали синонимами», поэтому «комедия, именуемая социалистическим строительством» завершилась. И неудивительно, ведь «при советском строе капитализм еще большая утопия, чем коммунизм». Вывод главного редактора «Зари» звучал для советской власти как

приговор: большевики «шлепнулись в лужу в погоне за синей птицей капитализма, как раньше шлепнулись в погоне за синей птицей коммунизма». В свою очередь, «с горбом советской власти на спине русский народ не мог и не сможет пройти ни к берегам социализма, ни к берегам капитализма» [15, 63-66].

Далин характеризовал НЭП как «капитализм при коммунизме», политику «коммунизма без его экономики». Для него НЭП не был просто новой экономической политикой: он «видоизменяет и перестраивает все общественные отношения», является переходом от коммунизма к новой системе отношений. Но на практике хозяйственный расчет, «кроме десятка грустных анекдотов», практически ничего не дал. Модной в системе НЭПа стала «подделка под «настоящий» капитализм», но этот «притворный капитализм» не способен бороться «против истинного капитализма, который блокирует его со всех сторон». НЭП оказался «системой производства без гарантий воспроизводства»: «... все друг друга кредитуют, дебетуют, друг другу подписывают векселя, начисляют проценты, ломбардируют и рассуждают о тратах и жирах». Но все это «великолепие» фальшивое. Обострившийся кризис НЭПа проявлялся в том, что «политика убивает экономику», что система всеобщей бюрократической опеки, доставшейся НЭПу в наследство от «классического коммунизма», не дает развиваться тем сторонам экономики, ради которых НЭП и вводился. По мнению автора, подобный кризис мог окончиться только «полной ликвидацией нэповской фазы, т.е. большевистской диктатуры» [8, 2-3].

В публикациях, посвященных теоретическим основам нэповской экономики, меньшевики-эмигранты справедливо указывали на попытки Советской власти идеологически уложить экономические уступки в концепцию «социалистической организации производства» и отмечали «каждую весну и каждую осень какой-нибудь «радикальный поворот», «перелом», какое-нибудь «новое слово» [6, 3]. Понятно, что в связи со смертью Ленина редакция «Вестника» не смогла удержаться от политических выводов, полагая, что процесс разложения большевистской диктатуры в условиях «берущего свое НЭПа» не удалось бы остановить даже Ленину. Раскол в партии осени 1923 г. стал достоянием широкой общественности, а после смерти вождя негативные процессы пойдут вперед «более скорыми темпами», что станет «началом конца» большевистского режима [31, 2].

Хотя, надо признать, что редакция журнала откликнулась на смерть Ленина с чувством скорби: «Перед только что разверзшейся могилой мы вспоминаем, прежде всего, не политического противника, не главу государства, где наша партия находится на нелегальном положении, где во всей силе свирепствует террористическая диктатура, а крупного деятеля рабочего движения, который вместе с незабвенным Ю.О. Мартовым закладывал фундамент классовой организации пролетариата в России». Для меньшевиков, сплотившихся вокруг журнала, смерть двух вождей социал-демократии стала символическим напоминанием о том, «насколько неразрывно были связаны в истории целой полосы русского рабочего движения их имена при всем различии и даже резкой противоположности их политического и морального облика» [31, 2].

Следует сказать, что новая экономическая политика, проводимая большевистским руководством, вызвала сильный интерес в среде эмиграции и породила массу иллюзий и надежд на перерождение режима. Подводя итоги первых лет НЭПа, социал-демократическая эмиграция отмечала основные «болевые точки» советской действительности: безработицу, разрушение семьи, пролетаризацию интеллигенции и пр. В частности С.О. Загорский утверждал, что советская политика, не будучи в состоянии осуществить ни социализма, ни планового хозяйства, ни индустриализации, способствовала насаждению в России низших форм хозяйственной жизни. Еще более

неутешителен был вывод экономиста, что «Советская Россия превратилась снова в буржуазно-капиталистическое государство» [12, 115].

Отсюда проистекала уверенность, что «советская власть выполнила свою объективную миссию» – завершила социальную революцию в России. Она вызвала к жизни новую буржуазию и создала в лице, прежде всего, крестьянства, а затем советской интеллигенции, чиновничества, части хозяйственников средние классы, отсутствие которых составляло ранее слабость экономического и политического общественного уклада России. То есть советская политика заложила основы господства мелкой буржуазной демократии, и «мавр должен уйти». Оставалось признать и санкционировать свершившееся перераспределение богатства и изменение социальных статусов и создать максимально благоприятные условия экономической и политической свободы. Помимо этого перерождению большевистского режима способствовала очевидная тяга партийной верхушки к социальному приспособлению [14, 43, 116-117].

Тем не менее, С. Иванович считал НЭП «очень крупной для большевиков реформой». Развязав несколько частную инициативу, ослабив крепостное положение рабочих и «освободив сотни тысяч людей от пайкового пресмыкания перед властью имущими», НЭП и «хозяйственный расчет» только усилили социально-политическое брожение в стране и вместе с ним ненависть и презрение к власти. Более того, НЭП стал «огромной силой, развязавшей не только частно-стяжательские способности и склонности, но и общественно-культурные тенденции великой страны». Для советской власти, по мнению автора, остался только путь уничтожения НЭПа, но «НЭП неуничтожим. Это адская машина, которая не имеет обратного хода». Тем самым деспотический режим большевиков не оставил народу иных возможностей, «кроме самой решительной и может быть весьма жестокой по формам своим революционной борьбы» [16, 131-133]; [17, 160-161].

И это на фоне охватившего Россию страшного голода, на который не могли не откликнуться меньшевики. Причины голода они вполне обоснованно усматривали в разверстке, реквизициях и конфискациях, то есть во всей советской продовольственной политике, следствием которой стало возвращение натурального хозяйства. Не секрет, что последнее несравненно больше подвержено случайностям и внешним воздействиям, например, засухе [9, 4]. Меньшевики также подвергли критике советскую бюрократическую кампанию по борьбе с голодом, в которой «тонула народная самодеятельность». Пугали и поиски очередного «козла отпущения»: не случайно «Правда» начала борьбу с голодом «канонадой против эсеров» [9, 5].

В противовес большевистским рецептам, ЦК РСДРП в июле 1921 г. выступил со специальным воззванием, в котором спасение страны от голода связывалось с быстрой и широкой помощью из-за границы, развитием частной инициативы и хозяйственной самодеятельности внутри страны, правильной постановкой государственного и кооперативного хозяйства. В свою очередь, для создания условий хозяйственного возрождения должна быть «немедленно и решительно изменена экономическая и общая политика российской республики», т.е. обеспечены свобода печати, собраний и союзов, неприкосновенность личности и пр. Также меньшевики настаивали на созыве экстренных губернских съездов трудящихся для обсуждения мер помощи голодающим и принятии мер к срочному ввозу из-за границы продовольствия. Но квинтэссенцией предлагаемых мер стало изменение общих основ политической власти, т.е. отмена режима партийной диктатуры, террора и произвола [24, 1].

Система политических и социально-экономических мер по преодолению голода включала:

- свободные выборы в советы;

- укрепление за крестьянами всей земли и освобождение их от трудовых повинностей;
- оставление за государством парового транспорта и крупных промышленных предприятий, с которым государство способно справиться;
- сдача в аренду остальных предприятий и даже возврат их бывшим собственникам;
- полная денационализация мелкой промышленности, свобода производства, обмена и транспорта в области мелкого сельского и промышленного производства;
- упорядочение денежного обращения путем восстановления налогов;
- полная свобода рабочего класса в распоряжении своей рабочей силой и независимость профсоюзов от государства;
- допущение во внешний товарооборот кооперации и частника на условиях разрешительной системы [24, 2].

Как видно, система предлагаемых мер выходила далеко за рамки собственно борьбы с голодом и его последствиями. Условно говоря, ее можно рассматривать как некий альтернативный вариант новой экономической политики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Абрамович Р. Новый курс русской буржуазии // Социалистический вестник. 1921. № 9.
2. Далин Д. Новая буржуазия // Социалистический вестник. 1921. № 18.
3. Далин Д. «Нуллификация» и «натурализация» // Социалистический вестник. 1921. № 9.
4. Далин Д. Логика вещей // Социалистический вестник. 1921. № 17.
5. Далин Д. «Новый курс» в профессиональном движении // Социалистический вестник. 1922. № 4.
6. Далин Д. Опять «перелом» // Социалистический вестник. 1922. № 7.
7. Далин Д. Денационализация // Социалистический вестник. 1923. № 1(47).
8. Далин Д. Кризис Нэпа // Социалистический вестник. 1922. № 15.
9. Далин Д. Голод // Социалистический вестник. 1921. № 13.
10. Дан Ф. Большевики и «единый фронт» // Социалистический вестник. 1922. № 9.
11. Дан Ф. На ущербе // Социалистический вестник. 1922. № 17.
12. Загорский С. Рабочий вопрос в Советской России. Прага. 1925.
13. Загорский С. В Генуе // Заря. Орган социал-демократической мысли. 1922. Берлин. № 1.
14. Загорский С. К социализму или к капитализму? Прага. 1927.
15. Иванович Ст. Из тупика в тупик // Заря. 1922. Берлин. № 3.
16. Иванович Ст. Надо выбирать // Заря. 1922. Берлин. № 5.
17. Иванович Ст. Когда спящий просыпается // Заря. 1922. Берлин. № 6.
18. Ленин отступает // Социалистический вестник. 1921. № 4. 18 марта.
19. Мартов Л. Проблема «единого фронта» в России // Социалистический вестник. 1922. № 13/14.
20. Мартов Л. Диалектика диктатуры // Социалистический вестник. 1922. № 3.
21. См.: Мартов Ю. К вопросу о задачах партии // Социалистический вестник. 1922. № 7.
22. Медведев Б. Бессилие нового курса // Социалистический вестник. 1921. № 16.
23. Натуральный налог и свободная торговля // Социалистический вестник. 1921. № 5.
24. На борьбу с голодом! (Воззвание ЦК РСДРП от 6 июля 1921 г.) // Социалистический вестник. 1921. № 14/15.
25. Осипов Н. Судороги // Социалистический вестник. 1922. № 16.
26. Права собственника и права гражданина // Социалистический вестник. 1922. № 12.
27. Русский рабочий при «государственном капитализме» // Социалистический вестник. 1921. № 19.
28. Соглашение с крестьянством // Социалистический вестник. 1921. № 6.
29. Социалистический вестник. 1923. № 2.
30. См.: Социалистическое страхование // Социалистический вестник. 1922. № 12.
31. Смерть Ленина // Социалистический вестник. 1924. № 2.
32. Чижевский Дм. XI съезд РКП // Социалистический вестник. 1922. № 8.
33. Эф Де. Кризис большевизма // Социалистический вестник. 1922. № 6.
34. Югов А. Кризис НЭПа // Социалистический вестник. 1923. № 21-22.

A. Gavrilov

NEW ECONOMIC POLICY OF BOLSHEVIKS AND MENSHEVIKS PARTY
PRESS: OBJECTIVE OPINION ON SUBJECTIVE PROCESS

Abstract: The article dedicates to the topical scientific and social question: the opinion of the emigrant mensheviks party's press on the Bolsheviks New Economic Policy (NEP) in Soviet Russia. In this work the author analyses the editorials and authors' articles, published in "The Socialist Bulletin" and "Zarya" and the works by mensheviks theorist and journalists. This article shows the opinion of mensheviks on New Economic Policy as a refusal of Soviet authorities from its original plan because of people's opinion and social phenomena of economic collapse of Bolsheviks' system.

Key words: New Economic Policy, mensheveks' emigration, communist dictatorship, economic collapse of Bolsheviks system.